

Екатерина
Польгуева

ЗА СЕКУНДУ
ДО ВЗРЫВА

Лауреат премии
имени Владислава
Крапивина

Время – детство!

Екатерина Польшуева

За секунду до взрыва

«WebKniga»

2016

УДК 821.161.3-93
ББК 84Р7-4

Польгуева Е.

За секунду до взрыва / Е. Польгуева — «WebKniga»,
2016 — (Время – детство!)

Марта была самой обычной девочкой – но книгами ее отца Андрея Дабы зачитывалась вся Республика. За последний год многое изменилось – не стало папы и младшего брата Дина, и вместе с их жизнями как будто закончилась жизнь вообще – и началась война. Мир сразу оделся в белое и черное, потерял оттенки: белый снег – черная земля, белые «мы» – черные «они». Национальность стала клеймом, вчерашние соседи превратились в заклятых врагов, но это никому уже не казалось странным – ведь каждый житель Города потерял близких и родных под пулями и снарядами, пущенными с некогда соседской стороны. Марте тоже предстоят новые потери и испытания – она научится жить посреди войны, находить друзей, любить и прощать, когда виноваты две стороны и обеим одинаково больно. А еще – ценить жизнь в любой момент, а не только за секунду до взрыва. Книга – лауреат Крапивинской премии 2014 года.

УДК 821.161.3-93
ББК 84Р7-4

© Польгуева Е., 2016
© WebKniga, 2016

Содержание

Вот бы увидеть	6
1. Утро	7
2. Трамвай	12
3. Уроки	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Екатерина Польшуева За секунду до взрыва

- © Екатерина Польшуева, 2016
- © Валерий Калныньш, оформление и макет, 2016
- © Вера Коротаева, иллюстрации, 2016
- © «Время», 2016

Вот бы увидеть

Вот бы увидеть, как уходит война.
Вот бы увидеть,
как счастье приходит.
Вот бы увидеть,
как поют те, кого нет,
я бы ни капельки не грустила,
я бы радовалась вместе с ними.
Вот бы увидеть
матерей без тоски в глазах.
Вот бы увидеть
детей без слез на глазах.
Эх, вот бы...

Стоянка Ступар

Из альманаха стихов детей «Наше поколение и наши сны» (1994–1995, школа имени Петара Кочича, город Приедор, Республика Сербская)

1. Утро

Сначала я подумала – это Дин ноет прямо у моего уха. Скучно ему, никто не обращает внимания, вот и разнылся. Уже хотела сказать, что совсем он свихнулся, будить среди ночи. Но тут я окончательно проснулась, потому что вспомнила – Дина нет. А в мире не такая уж ночь, так как разбудил меня будильник.

Впрочем, общемирового времени в природе не существует. А в Городе было семь. Будильник продолжал пищать. Я наугад хлопнула ладонью по черноте прикроватной тумбочки. Как ни странно, попала – электронный голосок смолк. Я всегда попадаю и каждый раз удивляюсь. Будильник пластмассовый, но короткое прикосновение ожгло руку, как металл на морозе. Я спрятала ее под одеяло и попыталась вернуть себе сонное спокойствие. Как бы не так. Вновь выдернула руку из-под одеяла и хлопнула по тумбочке – и опять попала. Загорелся светильник, тусклый, с пыльно-желтой маломощной лампочкой. По далекому серому потолку заматались, связываясь в узор, тени. Хотелось поразгадывать картинки, как в детстве. Но надо вставать. Теперь уж точно ничего не поделаешь.

Если я проснулась от будильника – значит, электричество есть и ночь прошла спокойно. Скорее всего. Свет – всегда проверка, если ночью не случилось чего-то пострашнее. Загорелся – надо вставать, не загорелся – есть еще надежда. Мне стыдно так думать, ведь спокойная ночь и такой же день означают, что все, в том числе и я, и брат Александр, и мама останутся живы. И что по сравнению с этим какие-то школьные тревоги!

Но контрольная по алгебре всегда остается контрольной по алгебре. Хуже и унижительнее только утреннее вставание. Хотя оно тоже беда. Середина декабря, а отопление в Городе так и не включали. И как назло, после совсем уж теплых зим, когда не то что река Синяя – искусственный прудик около нашей гимназии и не думал замерзнуть, выдались такие холода. Вторую неделю днем минус пятнадцать. Снега мало, и от этого еще холоднее.

Хорошо тем, кто живет в своих небольших домах. Или хотя бы в больших, но старинных, где есть печки и камины. А наша стеклянная башня-двадцатиэтажка промерзла насквозь. Ядохнула – не идет ли пар изо рта. Оказалось – идет. Когда есть электричество, можно включать обогреватели. Правда, не очень-то они нагреют нашу огромную квартиру, но хотя бы одежда по утрам не будет сырой и промерзлой. Однако мама включает их редко, когда уж совсем невмоготу. Дорого, говорит.

Некоторые думают, что спать в одежде теплее. Но это не так. Если у тебя есть большое хорошее одеяло, в которое можно завернуться, гораздо теплее спать раздетым – сам себя греешь. Но когда выбираешься из-под него, оказываешься совершенно незащищенным. А одежда! Эта проклятая одежда, будто корочкой ледяной покрыта. Как-то я пожаловалась на холод

Александр, моему школьному другу. Он сказал, что с этим справиться просто. Надо делать все очень быстро и ни о чем не думать. Точнее, думать только о каждом своем действии и движении, которое совершаешь сейчас, не заглядывая ни на шаг вперед. Тогда и чувствовать ничего не будешь. Надо представлять, как вытягиваешь руку, как берешь со стула футболку, втискиваешь голову в ворот. И ни в коем случае – как волоски на этой руке встают дыбом от холода, а ткань обжигает спину и грудь.

Это помогает, наверняка! Александр зря говорить не будет, это точно. Но... я люблю чувствовать так, чтобы до конца, до самого доньшка ощущения. И грань между приятным и неприятным стирается. Вот и сейчас я сперва представляю ледяную шершавость ковра под ступнями, дрожь пола (на самом деле – собственную крупную горячую дрожь во всем теле, от которой больно и почему-то хорошо одновременно) и только потом выпрыгиваю из теплого рая в промозглый сумрачный мир комнаты. Ворс водолазки ледяными иголочками впивается в самое сердце – месь Снежной королевы отважной маленькой Герде, спасающей брата.

Наше июньское море в жаркий день все равно ледяное, даже на отмели. Побултыхаешься две минуты и – раз – на горячий песочек, под солнышко. И сразу припекает спину. И вдруг удар – холодный и мокрый. Ну конечно, это Дин вымочил в море махровое полотенце, туго скатал и, завязав узлом, швырнул, как мячик. Вот и он сам, тощий, в пестрых плавочках, незагорелый еще, но плечи немного порозовели. Светлые волосы кажутся темнее, так как намокли и топорщатся рожками, а зеленые глаза смотрят ангельски: как живешь, дорогая сестричка?

Я села на пол и постаралась не зареветь. Не получилось. Слезы были горячими. А щеки холодными. И еще несколько минут в своей руке чувствовала его тоненькое запястье с шершавой исцарапанной кожей. Подошла к окну, чтобы сквозняк высушил лицо, попробовала разглядеть улицу через морозные наросты. Фонари уже горели, ветер гнал по асфальту и малоснежной затвердевшей от мороза земле мелкую сухую поземку. Какой-то ранний и бесстрашный горожанин пытался завести свой «мерс». Не выходило у него.

Мы живем на десятом этаже, но если горят фонари, двор можно разглядеть в подробностях. Только чего там разглядывать – двор как двор, ничего особенного. К тому же к окнам подходить не рекомендуется, хотя район у нас достаточно тихий. В трехэтажке напротив окон светилось довольно много, и от этого сделалось грустно: люди, видать, уже послушали утренние новости, а потому по делам собирались. Значит, и мне никуда не деться от своих. Вторым уроком алгебра. А сейчас предстояла еще одна пытка – туалет, ванная, умывание из ведерка. По утрам вода в нем подергивается ледком, но мама обычно встает первая и лед разбивает.

На кухне горел свет и пахло жареной картошкой. Меня передернуло. Как можно есть по утрам картошку? Я вообще по утрам есть ничего не могу. Мама видела, что я вошла, но ничего не сказала. Как всегда, ничего не сказала. Когда-нибудь и я молча сяду за стол, молча

выпью кофе с бутербродом и молча пойду в школу. Раз она молчит, почему я должна начинать первая? Но я не могу по-другому.

– Доброе утро, мама, – я посмотрела в ее сине-черно-белую полосатую спину. Свитер она надела отцовский. Но на ней он кажется совершенно другой, незнакомой вещью.

– Доброе утро, – ответила мама своим ровным и тихим голосом. – Есть, как всегда, не будешь?

Ха! Я бы не стала, несмотря даже на трудные времена, когда другие каждому кусочку радуются. А я, такая неблагодарная, нашего изобилия не ценю. Слова эти, впрочем, не мамины, а бабушкины. Мама до объяснений со мной не снисходит. Но пока совсем отказаться от завтрака я не могу. Вот что я могу и делаю каждое утро, так это достаю отцовскую чашку. Два года назад папин приятель и поклонник подарил всем нам на Рождество керамические чашки, большие, толстые, с нашими именами и очень смешными и похожими портретами. Я наливаю кофе в свою чашку и в отцовскую, кладу сахар.

Мама не смотрит, но знает, что я делаю. И она осуждает. Не знаю, из-за чего больше: что я опять придумываю всякий вздор, или что зря перевожу дорогие и дефицитные продукты. Бедности она боится, голода! Боится, что денег не хватит! Но уж на чашку кофе отец-то заработал. Вообще весь дом и все, что есть в этом доме, – его! Все наши банковские счета, кредитки и вклады, которые и сейчас регулярно пополняются, причем не валютой государственного банка Североморской Республики, что обесценивается быстрее, чем успеваешь потратить, а долларами и евро, – тоже его! А мама все равно боится.

Воды ей тоже жалко. С водопроводом постоянные проблемы. Но нам повезло: в подвале соседней трехэтажки есть труба с краником, из которой можно набрать вполне чистой, водопроводной. Раз в три дня мы с Александром с утра пораньше запасаем, сколько можно. Занятие это не слишком приятное: сперва надо сунуть в лапу «хозяину» краника, потом тащиться с ведрами через двор – и на десятый этаж, лифт с сентября не работает. У Александра все получается легко и просто, я же вечно обливаю себе ноги, а на морозе мокрые брюки противно дубеют. К тому же и установочка эта водоотводная – явно самопал. Городские власти, введшие режим строжайшего учета и экономии, узнают – по головке не погладят. Но зато у нас нет проблем с водой. Да и мыться можно было бы дома, если бы не холод.

Холод... Но на кухне от плиты тепло, от оранжевого света и запаха кофе уютно. Я беру свою дымящуюся чашку, стенки которой уже прогрелись и приятно обжигают ладони. Я кручу чашку в руках, греюсь. Потом отхлебываю. Тепло вливается вместе со смутной утренней надеждой, что все еще будет по-другому. Рядом дымит папина чашка. Когда я уйду, мама выльет кофе в раковину, вымоет ее и уберет на полку. А завтра все повторится. Конечно, я

знаю, что отец не придет – ни сегодня, ни завтра, никогда. И все-таки, все-таки так – неправильно! Ведь его тела не нашли тогда, в июле. Вот чашку Дина я никогда не достаю...

Вошел Александр, веселый, напевающий какую-то белиберду, в джинсах и без майки:

– Привет, сестренка! Ого, картошечка!

Александр – не я, у него всегда аппетит есть.

– С ума сошел? Раздетый по морозу ходишь?

– Ну, сестренка, кому как! Потрогай, я горячий.

Я дотронулась до его локтя: и правда, горячий. Александр, смешно поджимая ногу, начал причесываться, глядя на себя в блестящий бок электрического чайника. Волосы у него, как и мои – светло-русые, чуть вьющиеся. Только я стригусь коротко, а он вдруг ни с того ни с сего взялся отращивать.

– Что ты делаешь, а? – рассердилась мама. – Мало того, что помыться нормально нельзя, а ты еще патлы отпустил и чешешь их над едой!

– Мамулечка, не сердись, – Александр крутанулся на босой пятке (и как он может ходить по обледенелой квартире босым?) и поцеловал маму не то в щеку, не то в маленькое розовое ухо. Мама, не оборачиваясь, отмахнулась. Вообще-то на Александра она по-настоящему никогда не сердится, хотя ругает его часто. Меня вот не ругает вообще. Она за него боится. Через два месяца ему исполнится восемнадцать, и хотя гимназию он заканчивает только летом, но его вполне могут мобилизовать в армию или на строительство укреплений. Если обстановка не изменится к лучшему и с Города не снимут блокаду. Пока меняется только к худшему.

– Новости небось уже послушал? – спросила мама.

Александр вовсю уплетал картошку и, прожевав, отозвался:

– Включил компьютер, раз уж электричество. Попробовал залезть в интернет – и, представляете, работает! Впервые за десять дней. В общем, ночь прошла спокойно. Эпизодические перестрелки со стороны Прибрежного района и с Круглого холма, где пригород «Химический завод». Жертв, говорят, нет. Зато в Лесном «Бета-банк» грабанули, триста тысяч евро, не слабо, правда? Два охранника кирдык, третий в тяжелом состоянии. Но это за серьезное происшествие не считается. День объявлен спокойным, так что пойдет сегодня дорогая Марточка писать контрольную по алгебре, получит три по десятибалльной системе у господина Золиса, который с радостью впаяет ей «неуд» за первое полугодие.

Я со злостью поставила пустую чашку на стол. Злилась я не на Александра, он всегда такой, а на молодого и безжалостного математика Золиса, который ко всему прочему терпеть меня не может. Вот кого надо бы мобилизовать для защиты Отечества от кровожадных русских, а не отдавать ему на растерзание малолетних гимназистов. Но у него, видите ли, очень плохое зрение.

– Это правда? По поводу двойки в полугодии, – мама холодно посмотрела на меня. Она так и не привыкла к новой десятибалльной системе оценок, а потому переводит все на понятный для себя курс. В общем-то, она права. «Пара» – она и есть «пара», как ни назови ее очередной школьный реформатор. Я погрозила Александру кулаком, а маме сказала:

– Никакой «двойки» не будет. Контрольную напишу на семь, минимум на шесть – и все уладится. А ты, Александр, в лучшем случае – сплетник, в худшем – доносчик.

Александр вдруг вскинул на меня такие же жесткие и холодные глаза, как мгновение назад мама, но тут же ослабил в себе какую-то струну и вновь заговорил с усмешкой:

– Кстати, есть и хорошая новость. Сегодня Евросоюз доставляет в Город гуманитарную помощь.

– Ага! А ты без нее с голоду, ясное дело, помираешь. Жареной картошкой и хлебом с маслом с утра пораньше давишься.

– И никакой благодарности в тебе, сестренка! Это же рождественские подарки нашему многострадальному народу от дружественной Европы.

– Не ерничай! – на сей раз мама, кажется, разозлилась всерьез. – По крайней мере, сегодня будет спокойно.

– Это почему?

– Русские не дураки подвергать Город артобстрелу при европейцах. Последней поддержки лишатся.

– Ох уж, – хмыкнул Александр. – Будто сейчас у них есть эта поддержка. Даже Москва официально отмежевалась от... как это? Ах да, «насильственных действий сепаратистов, приводящих к гибели и страданиям гражданского населения Города, хотя они и спровоцированы крайне националистической и дискриминационной политикой властей Республики».

– Заявлять – заявляют, а деньгами и оружием помогают, – вмешалась я. Вообще-то я терпеть не могу самых популярных в наше время разговоров – военно-политических.

– А ты как думала? Свои, вот и помогают. Пусть и не на правительственном уровне. А нам Евросоюз в полном составе и США – за милую душу.

В словах Александра была непонятная ирония, будто издевался он не над теми, кто четвертый месяц обстреливает Город и не дает нам жить нормально, а над теми, кто хочет помочь. Или даже над нами самими. Мне сделалось обидно, но я промолчала. А мама сказала:

– Да уж, помощнички. Чем больше помогают рождественскими елками и конфетами, тем больше стрельбы. Ну, хотя бы сегодня спокойно будет. Русские ведь не дураки.

Она повторяла это прямо как заклинание. Я в заклинания не верю. Александр, кажется, тоже.

– Русские-то не дураки. Но почему все думают, что каждый обстрел – это обязательно русские? Умников и без них хватает.

Губы у мамы сделались тонкие-тонкие, в ниточку. Она вновь прищурила холодные зеленые глаза.

– В понедельник, с Круглого холма, по Заречью и Старому городу тоже не русские?

Александр промолчал. Да и что говорить, если и ребенку малому известно, что территории между Соленым озером и мысом, со всеми их дачными поселками и заброшенными промышленными пригородами полностью контролирует армия Русских Объединенных Северных Территорий? А Круглый холм – очень удобная стратегическая высота. Если с него палить из дальнобойной артиллерии, то и до центра города достать можно, не говоря уже о злосчастном Заречье. В понедельник палили по военным казармам Заречья. Но по казармам не попали, а угодили в жилые кварталы. В старой пятиэтажке, где рухнул лестничный пролет, – три трупа. А в частном доме напротив – восемь, из них половина – детские. В Старом городе обошлось без жертв, только колокольню собора Святого Матфея взрывной волной повредило. Случилось это ранним утром, часа в четыре, когда город спал. Наша гимназия находится в Старом городе, поэтому три дня и не было занятий.

– Ладно, сестренка, собирайся. Опоздаем к первому уроку, Черный Иосиф потащит к директору. Оно нам надо?

2. Трамвай

От дома до гимназии путь не близкий. Когда началась блокада, самым дорогостоящим и дефицитным товаром стал бензин, поэтому городских муниципальных автобусов не стало вовсе, автобусы частные и маршрутки ходили очень редко. Так что в нашем распоряжении лишь троллейбусы и трамваи, а они без электричества неподвижны.

Не голосовать же на улице, чтобы подвез какой-нибудь навороченный «мерседес» или БМВ покруче. У их владельцев проблем с бензином не бывает, как и с валютой. Они у наших военных горючку покупают или даже у русских.

Но если электричества нет, мы в гимназию все равно отправляемся – пёхом. Это долго, конечно, особенно по морозу. А что поделаешь? И занятия тогда позже начинаются: не одни мы такие, да и светает сейчас поздно, в темноте-то не поучишься! Зато в нашей школе всегда тепло: здание позапрошлого века, со своей, всегда работающей котельной и большими печками в каждом классе. Лет восемьдесят они были закрыты и задекорированы всякими обоями и пластиком, а в этом учебном году, ничего, раздекорировали. Углем и дровами тоже запаслись, директор подсуетился, и это большая удача. В общем, в гимназию есть смысл ходить хотя бы погреться.

Горячий мой брат Александр даже и в мороз ходит в легкой кожаной куртке, черной, с малиновой отделкой, и без шапки. Со спины из-за длинных волнистых волос он похож на девушку. Однажды я сказала ему об этом, он обиделся и обозвал меня дурной и бестактной свистушкой. Интересно, чего это я – свистушка? У меня куртка на пуху и шапка меховая. А он бы еще серьгу в ухо вставил для комплекта! Видел бы его отец.

Мы прошли через наш почти бесснежный, звонкий от мороза дворик. Хуже всего у подвала трехэтажки, откуда таскают воду. Она расплескивается не только из моих ведер, а потом застывает длинными ледяными дорожками. Каток прямо. Я вспомнила, как год назад на Рождество мы всей семьей ходили на главный городской каток, который на самом деле находится за городом, на Взморье. Легкий пушистый снежок, чуть оттепельный, а не злой и колючий, как сегодня, огни иллюминации, музыка в стиле ретро. Коньки взяли напрокат. Мне не повезло: правый все время подворачивался. А вообще-то я хорошо катаюсь. Дин и отец были одинаково неуклюжи, ноги у них смешно разъезжались, и они падали. Семилетнему Дину-то ничего: ну шлепнулся, ну поднялся, чтобы снова приземлиться на пятую точку. А отцу падать с высоты его метра восьмидесяти девяти было, наверно, несладко. Но он все равно хохотал громче всех.

А самой ловкой, легкой и будто бы невесомой была мама. А еще – счастливой. Я ее никогда такой счастливой не видела: ни до, ни, естественно, после. И только Александр, который тогда носил человеческую прическу, а не девичьи кудри, сказал, что зряшная трата времени.

Лучше уж в хоккей, чем под музыку по кругу на коньках ковыряться. Но это он так, из чувства противоречия.

Я поняла, что если буду вспоминать дальше, то снова заплачу. Второй раз за утро – это уже чересчур. К тому же слезы на холоде застынут и поморозят щеки. Лучше просто смотреть вокруг и ни о чем не думать. Только вокруг ничего интересного, такие же темные дворы, как наш, сосульки многоэтажек с тускло светящимися, почти нигде не затемненными (хотя и положено!) окнами. Поскрипывали на ветру старинные фонари над дверями каменных частных домов, их в этом районе немало. Как любила я эти фонари, словно со старинной сказочной картинки. Особенно зимой, в сумерки, когда густой оранжевый свет пятнал синие, непроходимые сугробы. Но это было целую жизнь назад. Сейчас даже и снег толком выпасть не может.

Минут через десять мы вышли на улицу Возрождения: по ней ходит нужный нам трамвай. Раньше, до революции, а потом во времена Первой Республики и лет двадцать после оккупации это была улица Казакевича. Так звали купца, когда-то давным-давно владевшего тут доходными домами. После первого полета человека в космос ее переименовали в улицу Юрия Гагарина, а когда во времена Национального Пробуждения начали возвращать исторические названия, именно из-за нее вышел спор.

Утверждали, что Казакевич – фамилия не исконная, русская. А потому у улицы должно быть более старое, а значит, и более истинное название, надо только поискать. Искали-искали, но ничего лучше, чем Навозный проезд, который, кстати, был и не здесь вовсе, а по соседству, найти не смогли. Но тут взбунтовались жители: не хотим, говорят, жить в Навозном проезде – и точка. Оставляйте нам тогда Казакевича или еще лучше – Гагарина. Но это с точки зрения национальных интересов было абсолютно невозможно. Хотя некоторые утверждали, что Казакевич вовсе даже не русский, а крещеный еврей. Но теперь как проверишь, если он умер еще в XIX веке? К тому же кое-кто заявлял, что увековечивать в столице обретшей независимость Республики евреев не следует, а другие шикали на них: мол, все понимают, но говорить такие неполиткорректные вещи во всеуслышанье...

Был еще вариант – назвать улицу именем нашего национального космонавта. Но и с этим не согласились: в космос-то он летал, когда Республика была оккупирована, на оккупационном космическом корабле, в составе экипажа оккупантов. А тут еще Первый Президент Второй Республики заявила, что главное для нашей страны – хорошая экология и туристы, а промыш-

ленность, созданная оккупантами, нам без надобности, да и в космос летать незачем. Вот и стала бывшая Казакевича и Гагарина улицей Возрождения.

История с переименованием случилась, когда я еще не появилась на свет, поэтому помнить ее я, естественно, не могла. Все это рассказал мне отец, добавив, что во времена оккупации на улице Гагарина находился Дворец пионеров, где он (отец, конечно, а не Гагарин) занимался в литературном кружке и в секции вольной борьбы. Теперь на Возрождения в бывшем Дворце пионеров – самое крупное в городе казино. Несмотря на блокаду, энергокризис и постоянные артобстрелы казино по вечерам переливается неоновыми огнями и, поговаривают, никогда не пустует. Иногда я ловлю себя на мысли, что если в него как-нибудь ночью, когда посетители будут в сборе, шарахнут с Круглого холма, очень переживать не буду. Хотя это, конечно, нехорошие мысли, неправильные.

Мы вышли к трамвайному кругу на Возрождения в восемь двадцать пять. До гимназии, если повезет, двадцать минут езды. Из-за блокады уроки начинаются полдесятого, так что опоздать вроде бы не должны. И тут нам действительно повезло. У круга притормозила «семерка», высадив на конечной немногочисленных пассажиров. В другую-то сторону, к центру, народу утром едет куда как больше, а потому, не обращая внимания на строгую надпись «Посадка запрещена», мы запрыгнули в еще не закрывшиеся двери.

Кондуктор хмуро глянул на наши гимназические льготные проездные и ничего, к большой нашей радости, не сказал. Кроме нас в неполюженном месте в трамвай залезло еще человек восемь. Александр занял места подальше от дверей, чтобы не так дуло, и сразу начал прогревать в заиндевевшем стекле пяточок для обзора. Заскрипев, даже почти застонав, трамвай медленно начал разворачиваться. На первой же остановке в него сразу набились домохозяйки, спешащие к открытию городского рынка, школьники и военные в синей форме армии Второй Республики. От дыхания десятков людей вагон нагрелся, и даже окна стали чуть оттаивать.

Сразу после казино (а это больше половины пути), трамвай резко дернулся и со звоном и скрежетом остановился. Люди, попадавшие друг на друга, начали было пререкаться, но вдруг затихли.

– Черт, облава! – пробормотал Александр и крепко ухватил мое запястье своей теплой ладонью.

У мальчишки в синей куртке с обмороженными щеками, сидевшего прямо напротив меня, вдруг побелели губы. Будто их внезапно мороз коснулся. В заднюю и переднюю двери вагона не спеша вошли «коричневые». Так в городе называют служащих военной полиции – жандармерии, отыскивающих и препровождающих куда надо разного рода нарушителей: всяких там спекулянтов, солдат, отлучившихся из части без разрешения, молодых парней, скрывающихся от мобилизации, людей, находящихся в Городе без регистрации. Короче говоря, русских. Кто же из полноценных граждан Республики может оказаться столь глупым, чтобы не получить необходимого документа? А русским сделать это почти невозможно.

«Коричневыми» жандармерию прозвали за цвет их форменной одежды, а также за бесцеремонность обращения и практически полную безнаказанность. Название это их не только не оскорбляло, а, кажется, даже нравилось, придавало особую лихость. Я достала свое гимназическое удостоверение, Александр тоже. К ним уже тянул черные, негнущиеся в перчатках пальцы один из жандармов.

– Значит, брат и сестра, школьники, – хмыкнул он, уставившись на меня белыми, без ресниц и бровей, глазами. Мне стало страшно и почему-то так мерзко, как не было еще никогда. Белоглазый, между тем, обращался уже к брату. – Люди родину защищают, жизни своей не жалея, а ты, умный-благоразумный, в классе отсиживаешься. Синусы там, косинусы разные зубришь, истории с литературами. А за Город кто постоит, за нацию? Еще и патлы себе отрастил, как пидор поганый. А другие-то, нормальные парни, жизни свои за таких, как ты, отдают.

Белоглазый снял с начисто бритой головы коричневую фуражку с фиолетово-желтой, в цвет национального флага, кокардой и демонстративно провел рукой в перчатке по ужасному розовому шраму, проходившему через весь череп. Александр молча смотрел мимо Белоглазого, не выражая абсолютно никаких эмоций. Всем хорошо известно, что спорить с жандармами себе дороже.

Однако в пререкания с Белоглазым все-таки вступили. Смелой оказалась пожилая тетка в нелепом клетчатом пальто и старой кроличьей ушанке, из-под которой выбивались колечки плохо завитых выбеленных волос.

– Как же, родину он защищает, жизни не жалеет. Ты, Альфред-белоглазый, расскажи, расскажи, как тебе в пьяной драке голову-то пробили. Или как из пятого класса выгнали за то, что и читать толком не выучился. Вот они, солдатики, которым ты хамишь здесь, – защищают, а ты с бабками на центральном рынке воюешь, грошами их не брезгуя, взятки берешь да контрабандой занимаешься. Я про тебя, поганца, все знаю.

Онемевший на миг Белоглазый, уставил свои страшные глаза на женщину и, видимо, узнав, взревел дурным голосом:

– Ах ты, карга старая! Ну, ты у меня попляшешь, как в аду на сковородке, ты у меня получишь!

– Как вы можете, так разговаривать с женщиной! И потом, вы же официальное лицо, своим поведением вы, молодой человек, дискредитируете государство, – не выдержал тоже немолодой мужчина, темноволосый, в толстых очках в модной оправе.

– Я тебе не «молодой человек», а сержант военной полиции, гнилой ты потрох, жидыра пархатый. А ну-ка, Роб, выведи его на свежий воздух, разберемся сейчас, что за артист-контрабандист.

– Да как вы смеете! – мужчина попытался было сопротивляться, но тот, кого Белоглазый назвал Робом, тощий, длинный, с кукольным розовощеким лицом, вышвырнул его в переднюю дверь вагона. На улице под конвоем троих вооруженных автоматами «коричневых» уже стояли двое солдат, молодой парень в слишком большой для него мешковатой дубленке и мужчина лет сорока, небритый и, судя по всему, нетрезвый. Узнавшую Белоглазого тетку тот почему-то из трамвая выводить не стал.

Поправив ржавого цвета нарукавную повязку командира патруля, Белоглазый прицепился к мальчишке с обмороженными щеками.

– А тебе что, особое приглашение нужно? Показывай свои документы!

Мальчишка молчал и не двигался и только неловкие от холода пальцы его нервно дергали клапаны карманов на куртке.

– Ты что, немой? Ну так мы тебя быстро разговорим сейчас. Документы, я говорю.

Отвердевшие мальчишкины губы вдруг дрогнули и обмякли.

– Я забыл, дома у меня остались, – почти прошептал он. На вид он казался годами двумя-тремя старше меня, лет пятнадцати, а голос был совсем детский, лишь чуть сипловатый. Но даже в этом невнятном шепоте отчетливо звучал русский акцент. Как большинство тех русских, кто владеет государственным языком, пусть и прилично, но не в совершенстве, он слишком смягчал «л» и «м» перед гласными, а звук «о» произносил чересчур кратко и отчетливо.

Страшные глаза сержанта загорелись безумным огнем. Еще бы! Поймать русского без документов – это не парочку загулявших в увольнении солдат прищучить.

– Попался, мерзавец, мразь московская!

В этот момент что-то произошло. Над моей головой хрустнуло стекло трамвайного окна и вокруг маленькой дырочки, меньше пяточка, что продышал Александр, зазмеились неровные трещины. Через секунду жутко на одной ноте закричала женщина. Потом что-то зазвенело, в женский крик вплелись новые голоса.

– Убили, убили! – выл женский голос.

– Падай, снайпер! – крикнул Александр и бросил меня на пол.

Я больно стукнулась локтем о сидение, подогнула руки и попыталась перевернуться на спину. Как ни странно, мне это удалось. Вокруг, прямо друг на друге, вповалку, лежали люди. В нос мне лез бордовый отворот куртки брата, Александр старался прикрыть меня собой. Рядом таранилась страшная рожа Белоглазого. Он уже поднимался, облизывая растрескавшиеся губы и усмехаясь чему-то.

Трамваи иногда обстреливают снайперы, хотя этот участок, у казино, всегда считался безопасным. Говорят, что делают это русские, чтобы дестабилизировать обстановку в Городе, а сигналы им подают свои, оставшиеся в Городе, тайком, или нанятые за деньги коренные жители. Три недели назад в таком обстрелянном трамвае по дороге из школы погиб Роберт, парнишка из параллельного седьмого «С».

Люди, постанывая и вскрикивая, вставали с пола. Могла бы начаться давка, поскольку одни хотели выбраться из трамвая, другие, попавшие на линию огня на улице, наоборот, забраться в него, как в укрытие. Однако «коричневые» быстро навели порядок, приказав всем оставаться на своих местах. Наповал убило одного из солдат на улице и старуху в трамвае. Ее грузное тело с трудом вытащили из вагона и положили на мерзлый асфальт рядом с мертвым солдатом.

После криков, стонов, звона и скрежета вдруг воцарилась странная тишина. Казалось, кто-то прикрутил звук и обессилевшие люди беспомощно и немо шевелили губами. Белоглазый оттолкнул меня от треснувшего окна и легко выбил его ногой в тяжелом ботинке. Потом схватил мальчишку с обмороженными щеками подмышкой и, грязно ругаясь, начал стягивать с него куртку, – и это были первые звуки, нарушившие тишину.

– Сволочь, сигнал своим русским свиньям подал. Все, конец тебе, падла.

Мальчишка не сопротивлялся. Белоглазый тряс его синюю куртку, чтобы найти мобильник, с помощью которого он мог просигналить. Но никакого мобильного не оказалось. Тогда он швырнул куртку на пол и буквально вытолкнул мальчишку в разбитое окно. Тот нелепо упал на четвереньки, потом встал на подгибающиеся ноги. В этот момент Белоглазый выстрелил. Автомата у него не было, зато был пистолет в маленькой коричневой кобуре, – его он вытащил, видимо, сразу после снайперского огня.

Мальчишка упал мгновенно, без единого звука, лицом вниз, подогнув одну руку и вытянув вперед другую. Так и лежал он неподвижно, в черных джинсах, синем гимназическом свитерке, из-под которого выбился ворот клетчатой, тоже школьной рубашки. Наверно, в этой форме ходил он весной в городскую гимназию. Тогда там еще учились русские. Он лежал рядом с молоденьким солдатом и толстой старухой в съехавшем набок мохеровом берете, ее седые длинные волосы путал и трепал ветер.

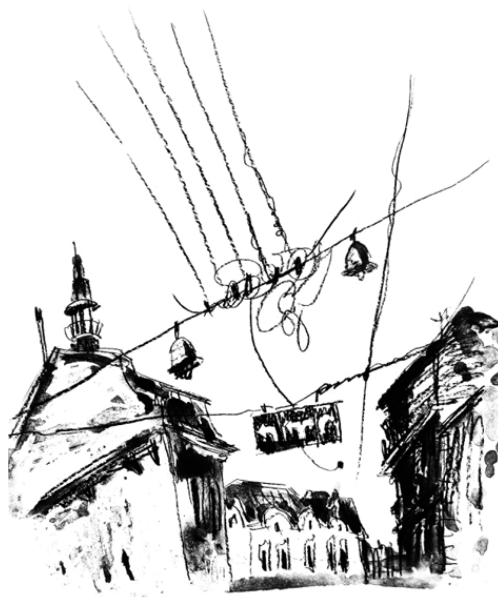
Уже сигналили сирены гражданской полиции и «Скорой помощи», но некому было помогать. Белоглазый ловко выпрыгнул в то же окно, в которое две минуты назад вытолкнул еще живого мальчишку.

– А ну поезжай! – заорал он водителю трамвая.

Тот, видимо, хотел возразить: как же, мол, а полиция, а разбирательство, а свидетели... Но не рискнул перечить Белоглазому и тронулся.

– Это же расправа без суда и следствия, преступление. Он же совсем ребенок, – всхлипывала какая-то женщина.

– Те, в Заречье, на Рыбной, куда с Круглого холма в понедельник палили, тоже были детьми, – возразила другая.

– Говорят, русские с чердаков сигналы подают для снайперов.

– Да какие тут сигналы, в трамвае. А у него даже и мобильного не было.

Тоненько заплакала маленькая девочка с надорванной, вероятно, в недавней суматохе лямкой яркого рюкзачка. Она ткнулась личиком в мамину дубленку и запричитала:

– Мамочка, я хочу домой, пожалуйста, поехали домой. И пусть ничего не будет, пусть ничего не было...

Вынести это было невозможно. От разбитого окна, рядом с которым мы с Александром по-прежнему сидели, шел нестерпимый холод. Около нас образовалась пустота, люди толпились поодаль, стараясь не приближаться к тому месту, где сидел убитый мальчишка. От ветра

его куртка, как живая, дергалась на полу. Александр поднял ее и положил на пустое оранжевое сиденье. Но прежде едва заметными движениями ощупал внутренние карманы и достал из одного компакт-диск. Конечно, Белоглазый же искал мобильник или что-то в этом роде, на что ему диск с какой-нибудь подростковой попсой или компьютерной игрой? Александр аккуратно спрятал его за отворот рукава своей куртки.

3. Уроки

На следующей остановке водитель заявил, что по техническим причинам вагон дальше не пойдет, и мы с толпой выбрались на улицу. До гимназии было уже недалеко, и оставалось немного времени до начала уроков. Казалось, прошла целая жизнь, а мы даже еще не опаздывали. Я не спросила Александра про диск, мне вообще не хотелось разговаривать. Он заговорил сам:

– Теперь ты понимаешь, почему я волосы отращиваю? Ненавижу этот мужественный стиль «а-ля гер ком а-ля гер», к черту! Детей убивают.

– На Рыбной тоже были дети, по которым с Круглого холма, – сама не зная почему, я повторила слова женщины из трамвая.

– Дался всем этот Круглый холм! – вскипел Александр. – Здесь-то не с Круглого холма. Надо быть полным идиотом, чтобы поверить, будто у казино на Возрождения русские снайперы. Ты ведь не идиотка? Зачем чужую чушь повторяешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.